

Тихий океан как “Средиземное море будущего”: история идеи (середина XIX — начало XX вв.)

© 2010

В. Постников

В статье рассматривается формула “Тихий океан — Средиземное море будущего”, которая была довольно широко известна в России в начале XX в. как призыв к более прочному утверждению на Тихом океане. Исследуется формирование этой идеи в XIX в., связанное с именами А.И. Герцена, Л.И. Мечникова и классиков мировой геополитики. Автор приходит к выводу, что представители русской общественно-политической мысли были в числе первых идеологов азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

Ключевые слова: история АТР, история российского Дальнего Востока, геополитика, русская общественно-политическая мысль, историография российской и всемирной истории.

История участия России в освоении тихоокеанских пространств изучена достаточно хорошо. Менее известным является тот факт, что русские мыслители одними из первых в мировой общественно-политической мысли начали развивать идеи о формировании АТР и о его будущем глобальном значении. Раскрытие этого тезиса посвящена данная работа.

Значение Тихого океана в представлении русской общественно-политической мысли начала XX в.

В начале XX в. в России, как в среде специалистов, так и на уровне газетной публицистики, заметное место получили размышления ряда известных общественных деятелей о том, что Тихий океан станет “Средиземным морем будущего”. Например, можно вспомнить слова протоиерея И. Восторгова (1864–1918), известного идеолога самодержавия, произнесенные во Владивостоке в 1909 г.: “История человечества двигалась по так называемым средиземным морям. То, что жило около древнего Средиземного моря, то жило настоящей жизнью; там были народы-счастливыцы в истории и ее деятели. <...> Пришла пора, после открытия Америки, Средиземным морем стал Атлантический океан. Опять повторилось то же явление: народы, жившие около этого Средиземного моря, стали счастливыми и мировыми деятелями и, наоборот, народы, не имевшие этого счастья, были обречены на бессилие и прозябание. <...> С половины минувшего столетия центр общечеловеческой истории заметно стал перемещаться вследствие

изменения в положении Америки — и новейшим Средиземным морем становится Великий океан”¹. Восторгов призывал поддерживать укрепление российского самодержавия и православия на Дальнем Востоке.

Подобные взгляды разделял А.Е. Снесарев, известный российский военный деятель и востоковед, классик российской геополитики (1865–1937)². На протяжении первой трети XX в. в своем научном и публицистическом творчестве он последовательно доказывал важность азиатской политики для России: “Дальний Восток является накоплением людских масс, доходящим до 600 миллионов (треть населения земного шара), и уже поэтому есть огромная политическая и экономическая величина. Но ее ценность усугубляется примыканием к водам Тихого океана, этого последнего и заключительного водного резервуара нашей планеты. Вам известна смена мировых резервуаров: сначала человеческая культура ютилась у Средиземного моря, затем оно было изжито и покинуто для Атлантического океана, в настоящее время борьба у этого океана тухнет и переносится к водам Тихого океана... Там народы зажгут факел их последнего состязания, там кто-то выйдет последним мировым победителем. Такова красочная канва глубокойинтересной тихоокеанской проблемы”³.

Отметим, что публицисты начала XX в. относили предполагаемое тихоокеанское будущее мировой цивилизации к отдаленному времени, связывали с ним не реалии, а перспективы будущего развития России. Так в 1908 г. известный исследователь и политик А.В. Колчак (1874–1920) обосновывал важность развития российского флота на Дальнем Востоке: “Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь ее дальнейшего развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий”⁴.

Приведенные цитаты показывают, что речь идет не о случайных высказываниях отдельных личностей, а о целой системе представлений, достаточно широко известной и распространенной в начале XX в. Она основывалась на двух положениях: 1. Мировая цивилизация исторически развивалась вокруг последовательно сменяющих друг друга морских резервуаров; 2. В будущем центр мировой цивилизации должен переместиться на Тихий океан. Возникают вопросы: как сложились эти представления, откуда взялось выражение, вернее — идеология “Тихий океан — Средиземное море будущего”, какова ее история, какой изначальный смысл в нее вкладывался? Цель данной статьи — выявить истоки этих представлений.

Идея “Средиземного моря будущего” А.И. Герцена

Хорошо известно, что эту идею сформулировал А.И. Герцен (1812–1870), однако история и изначальный смысл этого выражения требуют специального рассмотрения. Впервые он употребил словосочетание “Тихий океан — Средиземное море будущего” в статье “Крещеная собственность”, которую опубликовал в 1853 г., “делая первые опыты русских изданий в Лондоне”: “Привычные к войне и дороге, казаки имели те неопределенные влечения, то политическое чутье, те пророческие догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаков завоевала Сибирь. <...> как будто что-то непреодолимое тянуло их к Тихому океану, к этому Средиземному морю будущего; как будто они предвидели всю важность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Штатами”⁵. В 1856 г. состоялось второе издание этой статьи. Отметим, что общим смыслом ста-

тъи был не прогноз тихоокеанского будущего мировой цивилизации, а главный в деятельности Герцена вопрос о будущем России, ее успешном развитии, справедливым, соответствующем (в понимании Герцена) национальным традициям “народного социализма” общественном устройстве, достойном месте страны на международном арене. В приведенной цитате звучат два важных акцента.

1. Тяга России к Тихому океану представляется как один из доводов, доказывающих особые политические качества русского народа. В других своих работах он утверждал, что освоение Сибири и Дальнего Востока русским народом является весьма важным событием мировой истории, которому незаслуженно придают мало значения⁶. Оно показывает исторический масштаб и потенциал русского народа, который находится в недостойном для него положении крепостного раба;

2. Идея российско-американского сотрудничества, которое в будущем должно иметь важное значение. Эту идею он связывал с географическим расположением этих стран, которые соединяются Тихим океаном: “Взгляните, например, на эти две огромные равнины, сходящиеся затылками, обогнув Европу. Зачем они так просторны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности и расширению? Эти два мира, противоположные один другому, и между которыми есть своего рода сходство, — Северо-Американские Штаты и России” (1854)⁷.

Употребление этой формулы в упомянутой статье “мимоходом” позволяет предположить, что эта идея для Герцена была не нова. В 1858 г. он упоминал, что “скоро будет *десять* лет с тех пор, как мы высказали нашу мысль о взаимном отношении этих *будущих* в подорожной современной истории” (курсив Герцена, имеются ввиду Россия и Америка)⁸. Обращает на себя внимание, что Герцен использует это выражение без дополнительных объяснений, поэтому мы можем предположить, что он сам заимствовал у кого-то эту идею. Вероятным источником для него могла быть известная статья Маркса и Энгельса, где еще в 1850 г. были сформулированы подобные идеи тихоокеанского будущего мировой цивилизации. В этой статье утверждалось, что открытие калифорнийских золотых приисков в 1848 г. произвело революцию в истории, а в будущем приведет к развитию тихоокеанской Америки и всего тихоокеанского региона: “...Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений...”⁹. Именно в то время, после 1849 г., Герцен формировал свои взгляды. В качестве другого примера приведем слова протоиерея Нерчинско-заводского Богоявленского собора Боголюбского (Забайкалье), произнесенные в поддержку деятельности восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева: “Амур — это путь прямой из света старого в новый; Амур — для России дело великое!”, которое обещает “развитие торговли и промышленности, при открытии водяного сообщения с океаном” (1854)¹⁰. Если даже такие, далекие от “мирской суеты” лица, были в то время в курсе подобных политических идей, значит, они были достаточно хорошо известны общественности середины XIX в. Это может объяснить, почему первый раз Герцен употребил упомянутое выражение мимоходом, поскольку, надо полагать, это было ссылкой на достаточно известные в то время идеи.

Таким образом, идеи о российско-американском сотрудничестве и предположительно — о “Средиземном море будущего” возникли у него около 1850 г. Но еще в 1833 г., познакомившись с трудом А. де Токвиля “Демократия в Амери-

ке”, Герцен сделал вывод: “Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия”¹¹. Чтобы понять суть его размышлений о российско-американском сотрудничестве, нужно учитывать ряд общеисторических представлений мыслителя, которые основывались на идее последовательного прохождения цивилизациями этапов “взросления” и “старения” (“история — прогрессивное продолжение животного развития”)¹². К стареющим он относил Индию, Китай, и Западную Европу. От них он отличал молодые и растущие страны — Россию и Америку: “Обе страны переизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствия, обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями — до берегов Тихого океана, этого “Средиземного моря будущего” (как мы раз назвали его и потом с радостью видели, что американские журналы много раз повторяли это)” (1858)¹³; “Новороссийский край лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешние поселения на берегах Амура, где на днях будет развиваться звездчатый флаг американских республик? Да и самые восточные губернии европейской России?” (1857)¹⁴.

В целом логику Герцена можно представить следующим образом: русский народ чужд существующей в стране власти и элите. Власть — представители “петербургской традиции”, тяготеют к увядающей Европе, в то время как народ живет своей жизнью, и главный вектор его самостоятельного движения, как показывает история, — в обратном направлении, на восток. Это движение имеет исторический смысл и отражает стремление народа к свободе. Если народ освободить, то европейская ориентация России, как искусственная, исторически бесперспективная и изжившая себя, исчезнет, и страна обратится к наиболее актуальному и живому ориентиру — тихоокеанскому побережью, где происходит бурное развитие, и в будущем должна возникнуть цивилизация нового типа, не отягощенная традициями и пережитками “старого мира”, социалистическое общество свободы и справедливости. Тогда Россия сможет реализовать свой гигантский потенциал. И главное действие в этой логике — отмена крепостного права, за что так убежденно агитировал Герцен. Сибирь и Россия в целом понималась Герценом как русское подобие Америки, которой не дают реализоваться существующие в стране порядки: “Мертвящее русское правительство, делающее все насилем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед. Увидим, что будет, когда устья Амура откроются для судоходства, и Америка встретится с Сибирью возле Китая. Я давно говорил, что Тихий океан — Средиземное море будущего. В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна” (1854–1858)¹⁵.

Как уже упоминалось, эта идея вызвала интерес в Америке того времени. Американский публицист Ч.Г. Лиленд в 1858 г. вступил в переписку с Герценом и позднее в своих “Мемуарах” (1895) вспоминал об этом: “Я написал в то время длинную статью, в которой предлагал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала <...> Герцен перевел эту статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром); 20 000 ее экземпляров циркулировало в России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: “Она будет отложена лет на сорок, и потом, быть может, из нее что-нибудь сделают. Тихий океан станет Средиземным морем будущего”¹⁶. Речь идет о листовке под названием “Господам директорам

Общества колонизации берегов Амура в С.-Петербурге”, в которой Лиленд приветствовал усилия, предпринятые для освоения земель по берегам Амура, как залог сближения России и США: “Мы — две огромнейшие державы в мире, населенные народами, предназначенными достигнуть великого могущества, мы становимся, движимые быстрыми событиями немногих годов, лицом друг к другу, между нами Тихий океан, это “Средиземное море будущего”, как сказал один русский”¹⁷. Вероятно, на эти листовки ссылался М.И. Венюков в своих воспоминаниях об амурском путешествии 1857–1858 гг. (написаны в 1870-х гг.), когда упоминал о том, что американцы “смотрят на Тихий океан как на Средиземное море будущего”¹⁸. Это показывает, что исследуемое выражение было известно, но не вызвало особого интереса у российской общественности того времени, как и в целом дальневосточная политика в 1860–1870-х гг.

Как видно, Герцен из Лондона следил за усилением России на Дальнем Востоке в 1850-х гг. и был убежденным сторонником этого, приветствуя ее успехи: “Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение”¹⁹. Возможно, идеи Герцена об истории Сибири и дальневосточной политике России были бы интересны для специального рассмотрения, поскольку Герцен — один из первых в русской общественно-политической мысли деятелей поднял вопрос о значении Дальнего Востока для России и представил свое видение этого вопроса.

Таким образом, изначальный, авторский смысл формулы “Средиземное море будущего” — это идеи социально-исторического переворота и будущего российско-американского сотрудничества. В основе этой концепции лежал не геополитический смысл, а идеи справедливого общественного устройства, поиск Герценом новых путей развития России. Если условно представить полную реализацию этой идеи, мы увидим действительно радикальные изменения: политические и экономические ориентиры России обращаются на тихоокеанское побережье, западные регионы России превращаются в провинцию, происходит исторический переворот, какого Россия не знала со времен Петра I. Такое изменение даже в нашей современной ситуации кажется невероятным (однако, такие идеи существуют)²⁰.

Тихий океан в географической теории развития цивилизаций Л.И. Мечникова.

Идеи Герцена не объясняют полностью логику публицистов начала XX в., которые говорили о последовательной “смене мировых резервуаров” и движении истории по “так называемым средиземным морям”. Эти идеи были теоретически аргументированы русским географом-путешественником, классиком геополитики Л.И. Мечниковым²¹ (1838–1888) в его главном труде “Цивилизация и великие исторические реки”, который был издан в Париже на французском языке в 1889 г. В России эта книга была издана только в 1898 г.²² В то время имя Л.И. Мечникова имело авторитет в научных кругах как в Европе так и в России.

Целью этого исследования было “определить естественные, хотя и скрытые пути, при помощи которых различные виды географической среды видоизменяют судьбы наций, предоставляя некоторым из них верховенство над соседними населенными странами”²³. Как видно из названия работы, Мечников доказывает, что решающим фактором в развитии цивилизаций является привязка к водным ресурсам. С помощью этого критерия исследователь структурирует историю, и логически делит ее на следующие этапы²⁴.

Древние века, речной период. С ним связаны история великих цивилизаций древности (Египет, Двуречье, Индия и Китай).

Средние века, средиземно-морской период. Как определяет Мечников, примерно с 800 г. до н.э. цивилизация развивается вокруг Средиземного моря. Но имеет значение не само это море, а его коммуникативная роль, поэтому в этот этап значительную роль играют различные “внутренние моря” — Черное, Северное, Балтийское, в восточной Азии он выделяет Желтое и Тонкинское (Южно-китайское) моря. Т.е. этот этап мы могли бы назвать этапом “внутренних морей”.

Новые века, океанический период. С открытием Америки и морского пути в Индию и усилением европейских морских держав, таких как Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция, наибольшее значение приобретают транс-океанические связи, формируется океаническая цивилизация.

Уточним, что каждый из выделенных этапов представлялся Мечниковым не как единое, а разделялся на фазы. Например, с основанием Константинополя средиземно-морской этап вступает в свою вторую фазу, которая в нашем представлении ассоциируется со Средневековьем. Таким же образом развивается океанический этап: если поначалу он был связан с Атлантикой, то с середины XIX в. Мечников отмечает рост значения Тихого океана: “С момента наступления новых веков и вплоть до второй половины текущего века среди всех пяти океанов, омывающих нашу планету, один Атлантический пользовался привилегией служить главной сценой культурных триумфов. За последние сорок лет дела обстоят уже иначе. Быстрый рост культуры в Калифорнии и Австралии, открытие Китая и Японии для торговых международных сношений, значительное развитие китайской эмиграции, распространение русского влияния на Манджурию и на порты Кореи окончательно присоединили Тихий океан к области мировой культуры”²⁵.

При этом Мечников подчеркивает, что эти изменения не делают Тихий океан единственным центром цивилизации. В формировании океанической цивилизации принципиальным является ее глобальный, а не региональный масштаб, и освоение Тихого океана — один из этапов этого процесса. В это время сохраняет свое значение и Атлантический океан, и приобретает значение Индийский, служащий благодаря Суэцкому каналу мостом между Атлантикой и Пацификой. Но именно включение тихоокеанского резервуара в сферу цивилизации отметило образование океанического этапа в ее развитии и имело решающее значение в мировой истории: “Этот период, несмотря на свою юность сравнительно с двумя предыдущими, может быть все-таки подразделен на две эпохи.

1) Атлантическая эпоха, от открытия Америки до момента золотой горячки в Калифорнии, широкого развития английского влияния в Австралии, русской колонизации берегов Амура и открытия портов Японии и Китая.

2) Всемирно-культурная эпоха, едва только получающая свое начало”²⁶.

Подтверждая свои выводы, Мечников приводил слова немецкого ученого С. Беттигера, который утверждал, что “вода оказывается оживляющим элементом не только в природе, но и истинной двигательной силой в истории. ...Вода является силой, побуждающей культуры к развитию, к переходу из среды речных систем на берега внутренних морей, а оттуда к океану” (1859)²⁷.

С одной стороны, с высоты сегодняшнего дня концепция Мечникова может показаться несколько односторонней. Однако, если мы вспомним такие важные события российской истории, как формирование пути “из варяг в греки”, завоевание Казани и Астрахани (т.е. взятие под контроль бассейна Волги в середи-

не XVI в.), Северную, русско-турецкие, Крымскую и русско-японскую войны, то мы будем вынуждены признать, что “водно-географический фактор” действительно был одним из важнейших в российской истории.

Отметим, что по своим политическим убеждениям Мечников, как и Герцен, был близок к радикалам, и его “трехчленная формула географического развития” подразумевала соответствующую формулу социального прогресса от деспотизма к свободе, т.е. его идеи имели в первую очередь социально-исторический смысл.

Идея “Средиземного моря будущего” в контексте политической мысли конца XIX — начала XX вв.

На формирование исследуемых идей в России значительное влияние оказали зарубежные теории. Определенное созвучие с концепцией Мечникова имеют идеи классика американской геополитики А.Т. Мэхэна (1840–1914). В своей работе “Влияние морской силы на историю” (1890) он доказывает, что географическое положение относительно морей и развитие флота являются решающими факторами исторического развития государств. В России его работа была переведена и опубликована в 1895 г., была она известна и на Дальнем Востоке²⁸.

О широком распространении подобных представлений на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует фундаментальный многотомный труд немецких ученых 1890-х гг. “История человечества. Всемирная история”, издававшийся в России в начале XX в. В этом труде “впервые во “всемирной истории” широко признается историческое значение океанов, разделяющих и соединяющих народы”²⁹. В первом томе в разделе “Историческое значение Тихого океана” (автор Э. Вильчек) утверждается, что “центр тяжести интересов человечества, а следовательно, и всемирной истории видимо перемещается от пользовавшегося до сих пор привилегиями полушария в другое. Какая бы великая роль в истории государств и народов ни предназначалась материкам Старого Света, если только высшей задачей всемирной истории является единство человеческого рода, то решение этой задачи надо искать на Тихом океане. В сознании того лежит ключ к пониманию исторического значения Тихого океана”³⁰. В этом разделе АТР представляется как самостоятельный регион, описываются географические особенности Тихого океана, история его освоения и изучения, прилагается политическая карта тихоокеанского бассейна и описывается международная обстановка на нем, которую, по мнению авторов, определяет противостояние “желтой” расы и англо-американского мира.

Свой взгляд на значение Тихого океана в этом труде выразил известный немецкий антрополог и теоретик геополитики Ф. Ратцель (1844–1904). Он говорил, что “за Средиземным морем последовал Атлантический океан. Американцы и русские, а за ними и японцы утверждают, что ныне Атлантический океан должен уступить место Великому”. Он уточнял, что “те особые черты, которые Тихий океан может внести в историю, нужно искать в пределах южного полушария. И если когда-нибудь осуществится великая самостоятельная история антиподов, то местом ее будет южный Тихий океан, окруженный странами с богатейшею будущностью в Австралии, Южной Америке, Новой Зеландии и Океании”³¹. Творчество Ратцеля в целом оказало значительное влияние на формирование исследуемых идей. В своих работах “Законы пространственного роста государства” (1896), “Политическая география” (1897), “Море как источник могущества народов” (1900) он доказывал, что главным законом развития государств является

“борьба за обладание пространством” и “охват политически ценных мест”, поэтому Тихому океану в истории будущего он отводил ведущее место. Стоит также отметить, что немецкая империалистическая идеология рубежа XIX—XX вв. во многом повлияла на взгляды многих сторонников экспансии Российской империи на Дальнем Востоке.

Таким образом, становится понятным, на какие идеи опирались, и какой логики придерживались российские публицисты начала XX в., когда утверждали, что история развивается вокруг водных резервуаров, последним из которых должен стать Тихий океан — “Средиземное море будущего”. Их рассуждения являются синтезом и заметным упрощением идей мыслителей, которые выделяли “водно-морской фактор” в истории, и подчеркивали рост значения Америки во второй половине XIX в. Отметим, что на русском языке идеи Мечникова, Мэхэна и Ратцеля стали доступны только на рубеже XIX—XX вв. Но даже в 1880-е гг. эти идеи могли бы звучать не как прогноз, а как констатация и теоретическое объяснение действительности. Известно, что уже в 1880-х гг. тихоокеанские пространства стали ареной международного соперничества: Франция “отбивает” у Китая Вьетнам (война 1884–1885 гг.), в Канаде строится Тихоокеанская железная дорога (1881–1885), в России разрабатываются планы строительства Транссиба, в 1886–1888 гг. на Тихом океане появляется русская эскадра во главе с вел. кн. Александром Михайловичем Романовым, и газета “Владивосток” по этому поводу писала, что “в настоящее время, когда побережье Великого океана привлекает к себе внимание государственных людей всей Западной Европы”, этот визит имеет “характер явления многозначительного”³². Уже в 1890 г. А.П. Чехов во время своего дальневосточного путешествия скептически упоминал о “тихоокеанских мечтаниях” как о хорошо известном явлении российской жизни. Однако, в публицистике конца XIX в., несмотря на признания важности тихоокеанской политики, идеологема “Средиземное море будущего”, как правило, не встречается, и в основном обнаруживается в материалах, датированных периодом после русско-японской войны, которая вызвала особый интерес общественности к Дальнему Востоку. В 1904 г. об особом значении тихоокеанского побережья для будущего России говорили выдающиеся ученые Д.И. Менделеев и А.И. Воейков. Известный норвежский путешественник-исследователь Ф. Нансен (1861–1930), посетивший Сибирь и Дальний Восток в 1913–1914 гг., и описавший свое путешествие в книге “В страну будущего” (1915), отмечал, что “...после войны с Японией 1904–1905 годов, в России коренным образом изменился взгляд на Сибирь и ее развитие; открылись глаза на то, что было упущено в этом смысле, и на огромное значение этого развития для будущего всей страны”³³. Возможно, распространение известного выражения Герцена также связано с либерализацией общественно-политической мысли в России после 1905 г. Поэтому на данный момент мы можем предположить, что идеологема “Тихий океан — Средиземное море будущего” получила распространение после 1904 г. и была востребована как популярно-упрощенное объяснение представленных теорий, получивших известность в России на рубеже XIX—XX вв. И если изначально в эту идеологему вкладывался социально-политический, революционный смысл (символ отказа от “старого мира”), то в начале XX в. было востребовано ее геополитическое звучание (как символ соперничества держав и имперской политики), и ее взяли на вооружение сторонники российского великодержавия — упомянутые выше представители офицерства, духовенства и интеллигенции. Таким образом, идея “Средиземного моря будущего” была известным символом, выражавшим представления обществен-

но-политической мысли России начала XX в. об актуальности Тихоокеанского региона для развития страны.

Эти идеи оставались известными и после революции. Например, Л. Троцкий в 1927 г. в одной из своих речей ссылается на эту теорию, связывая ее действие с распространением мировой революции³⁴. Однако в дальнейшем эти идеи оказались забыты.

Таким образом, русские мыслители одними из первых сформулировали идею азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Мы можем сделать вывод, что существует самостоятельная российская традиция исторического осмысления тихоокеанского региона. При этом очевидно, что рассматриваемые идеи имеют во многом интернациональный характер, разрабатывались в интеллектуальных столицах (Лондоне, Париже) и истоки этих идей, вероятно, следует искать в работах европейских мыслителей середины XIX в. Особое развитие эти идеи получили в зарубежной геополитике XX в.

Упомянутые мыслители с помощью различных доводов показывали определяющую роль Америки в формировании АТР. Современное развитие Восточной Азии придает исследуемой идеологии особую актуальность. Реальностью становится предвидение русского философа Н.А. Бердяева: “Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы” (1918)³⁵.

Представляет интерес дальнейшее изучение этой идеологии: выявление новых высказываний и фактов, связанных с ее бытованием, связи с общественно-политической мыслью, степень ее актуальности в официальной политике того времени, связь этих идей с современными исследованиями АТР.

1. *Восторгов И.* Россия и Восток // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 333–334, 327–337.
2. *Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева.* М., 2003. 896 с.
3. Там же. С. 97, 94–99.
4. *Колчак А.* Какой нужен флот России? // Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота. 2-е изд. М. 1999. С. 144.
5. *Герцен А.И.* Крещеная собственность // Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. В 7 т. Т. 5. СПб., 1905. С. 296, 284–301. Это издание — первое легальное собрание сочинений А.И. Герцена в России.
6. *Герцен А.И.* Россия и Польша // Сочинения А.И. Герцена... Т. 6. С. 222, 217–225.
7. *Герцен А.И.* Старый мир и Россия // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 305, 302–325.
8. *Герцен А.И.* Америка и Сибирь // Сочинения А.И. Герцена... Т. 6. С. 211, 211–215.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Первый международный обзор // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1956. С. 232–233, 224–237.
10. *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 1. СПб. 1891. С. 359.
11. Герцен и американский публицист Ч.Г. Лиленд // Герцен и Запад. М., 1985. С. 669, 669–676.
12. *Герцен А.И.* Русский народ и социализм // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 270.

13. *Герцен А.И.* Америка и Сибирь // Сочинения А.И. Герцена... Т 6I. С. 212–213.
14. *Герцен А.И.* Еще вариация на старую тему // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 334–335.
15. *Герцен А.И.* Былое и думы. [Т. 1]. Части 1–3. М. 1973. С. 277.
16. Герцен и Запад М., 1985.С. 672.
17. Там же. С. 673.
18. *Венюков М.И.* Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 49; Эти слова Венюкова упоминает газета “Владивосток” в 1885 г. (№ 24.С 4).
19. *Герцен А.И.* Америка и Сибирь... С. 211.
20. *Крупнов Ю.* Столица России должна стоять на Тихом океане. — <http://www.krupnov.ru/pubs/2004/01/05/10076/>.
21. Приведем краткие факты из его биографии, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу. Он происходил из семьи харьковского помещика, был братом знаменитого микробиолога И.И. Мечникова, отличался разнообразием увлечений. Основную часть своей жизни он провел за пределами России (с 1858 г.). В 1860 г. он приезжает в Венецию и участвует в европейском революционном движении. В 1863 г. он познакомился с Герценом, занимался переправкой нелегальной литературы в Россию, начал научно-публицистическую деятельность. В 1874–1876 гг. по приглашению министра просвещения Японии он жил в этой стране, где возглавлял русское отделение Токийской школы иностранных языков. По возвращении в Европу через Тихий океан и Америку он написал труд “Японская империя”, который принес ему известность и авторитет в научных кругах Европы. В Париже Мечникова пригласил сотрудничать выдающийся французский географ Э. Реклю, автор 19-томной “Всеобщей географии”. Одновременно Мечников работал над своим главным трудом “Цивилизация и великие исторические реки”, который был издан уже после его смерти в 1889 г. См.: *Карташева К.С.* Дороги Льва Мечникова. М., 1981. 55 с.
22. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1898.
23. Там же. С. 100.
24. Там же. С. 99–100.
25. Там же. С. 97.
26. Там же. С. 100.
27. Там же. С. 98–99.
28. Северо-американский флот и его значение в будущем // Владивосток. 1896. № 18. С. 2–3.
29. История человечества. Всемирная история / Под общ. ред. Г. Гельмольта. Изд. 3-е. В 9 т. СПб. 1904. Т. 1. С. VI.
30. Там же. С. 592.
31. Там же. С. 91–92.
32. Цит. по: Н. Мизь: библиограф. сб. Владивосток, 2005. С. 52.
33. *Нансен Ф.* В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан, 1969. С. 200.
34. *Троцкий Л.* О Сибири // “ЭКО”. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 3. С. 188, 191.
35. *Бердяев Н.А.* Судьба России // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике М., 2007. С. 306.